

О ПОНЯТИИ ГЕОПОЛИТИКИ

Александров Н.Н.

«Геополитика» – составное слово, где «гео» и «политику» можно вроде как и не расшифровывать. В традиционном понимании она рассматривает *зависимость* общественных процессов от топики Земли. Онтологически геополитика представляет собой науку о влиянии географического фактора на политику и рассматривается в качестве особой рамки, методологии мышления.

Наука геополитики возникла на стыке общественных и естественных научных дисциплин и потому является синтетической – она продукт междисциплинарного синтеза. Но мы будем понимать это предмет еще шире – с позиций экзистенциальной системогенетики (о ней масса наших статей на блоге и монография на сайте АТ). Такая платформа кажется нам наиболее широкой из всех возможных, поскольку основывается на инвариантах.

Для начала поговорим о принципиальных разногласиях с коллегами.

Двухконтурная модель управления в обществе

Когда мы говорим об обществе, то имеем в виду нашу модель, в которой *общество понимается как деятельность* и в нем есть два контура управления: культурно-человеческий и машинно-технический. В самом простом виде это культура и цивилизация, за которыми стоит ментосфера и ноосфера.

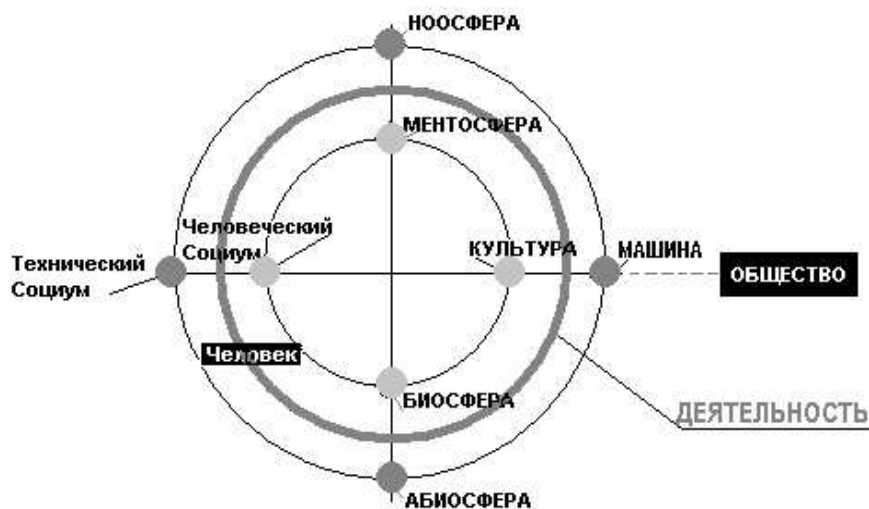

Рис. 1. Общество как деятельность и два контура управления в нем.

Поэтому мы рассматриваем даже в простейшем виде особенности геопространства по отношению к обеим этим сторонам общества. Это позволяет включать в проблематику геополитики соотношение топоса как с этносами, нациями, народами, так и конфессиями, государствами и транснациональными корпорациями (ТНК), а также – и это самое важное в нашей трактовке – с ментальными моделями, бытующими в истории. Мы убедимся на материале истории геополитики, что рассматривать вопрос в пределе нужно именно так. Принятая нами платформа системогенетики требует рассмотрения всех ее аспектов как в статике, так и в динамике, как логически, так и исторически.

Между тем в большинстве существующих геополитических теорий одной из **главных проблем** является **изучение сферы отношений между государствами по поводу контроля над территорией**. Это слишком редуцированная трактовка, которая постоянно приводит к перекосам в реальной политике. Она не соответствует и реалиям современного мира, где государства подчас играют менее значимую роль, чем конфессии (С. Хантингтон) и ТНК.

Если редуцировать геополитику еще больше, то формально геополитическая наука связывается рядом авторов только с динамикой международных отношений, в частности – мировой торговли. Это геополитика в самом узком значении, и ниже мы покажем, почему.

Начнем с *политики*. Как особая деятельность, политика есть разновидность *управленческой деятельности*, имеющей прямое отношение к власти: назначение политики есть борьба за захват власти. Вот этот момент нужно подчеркнуть. Те авторы, которые сводят геополитику к одному контуру – контуру рациональному, к государственной власти – упускают из вида вторую сторону политики – политика есть в основном *борьба за власть*, а она – зачастую вне машинного контура государства или церкви. Пограничный характер политики – между гражданским обществом и государством – ее важнейший признак.

И тогда модели геополитики должны рассматриваться, как минимум, в двух ипостасях.

В первом случае – как экспертные «знаниевые» модели (ноосферный, машинный контур управления), предназначенные для принятия решений главным менеджером (главой государства, правительства, высшим иерархом, топ-менеджером). Они употребляются *рациональным* образом, как некие переменные или детерминанты при принятии политических решений на высшем уровне.

Здесь следует задаться вопросом: а кто, какой субъект, способен осуществлять властную политику на территориях? Сегодня это государства, конфессии и ТНК (транснациональные корпорации). Причем, основой мировой экономики сегодня являются именно транснациональные корпорации, чьи предприятия могут быть разбросаны по всему свету – это они все больше вершат геополитику в своих интересах. В силу транснационального характера современного капитализма мы имеем в их лице цитадель единого наднационального капитализма. Надгосударственные образования порождают единое пространство планеты, достаточно однородное в экономическом (постиндустриальная экономика), политическом (либеральная демократия) и культурном отношениях (массовая культура). Это отмечал А. Зиновьев, создавший предельно широкую концепцию «западнизма», хотя речь в ней идет уже не только о традиционном Западе.

Во втором случае модели геополитики должны рассматриваться как идеологемы (ментосферный, культурный контур управления), предназначенные для лидера. Здесь перед нами *иррациональный* способ их употребления.

Трибунал в Нюрнберге оправдал Карла Хаусхофера, поскольку практически невозможно было доказать юридически, как его геополитическая идеология превратилась в практику национал-социалистов. По той же причине в живых остался Карл Шмитт, хотя его юридически окрашенные теории вполне можно было интерпретировать соответствующим образом. Первый покончил с собой, второго коллеги во всем мире подвергли остракизму чуть ли не до конца жизни – такова участь идеологов у которых берут и свободно интерпретируют идеи политики.

Геополитические идеологемы нужны харизматическому лидеру как основа для формирования веры в массах. Если говорить о чистой политике – они им нужны в борьбе за власть. Но и после прихода к власти, если такое происходит, такие идеологемы никуда не исчезают, более того, они становятся тем, что в стратегическом менеджменте называется «миссия». И тогда порядком редуцированные учения Хаусхофера и Шмитта уже можно рассматривать как основания будущих действий верхушки нацистской Германии.

Идеологемы, кстати, не всегда видны: мы можем только гадать, почему реальная геополитика Сталина была так похожа на некоторые положения евразийцев П. Савицкого и Н. Трубецкого и даже национал-большевика Н. Устрялова.

Отсюда первый запрет: «геополитику» нельзя сводить только к внешней политике (государств, конфессий и ТНК), поскольку в ней есть два контура – рациональный и иррациональный, менеджерский и лидерский.

Ресурсоспектр политики и власти

Вторая сторона термина «геополитика» – гео, Гея, Земля. Поскольку речь у нас идет о ракурсе политики-власти, нужно рассмотреть, что именно интересует политику и власть в этом вопросе.

В простейшем виде это трактуется как *ресурсы территории, отграниченной государственной границей*. И, собственно, с этого начинается антропогеограф Фридрих Ратцель, когда создает ряд моделей, положенных в основание ранней немецкой геополитики (так называемой «научной» геополитики). Эти модели предельно просты и мы их все рассмотрим.

Но сразу отдадим должное и русской геополитике: за несколько десятилетий до Ратцеля милютинская школа военной геополитики (о которой речь впереди), не особо афишируя свои действия, исследовала мир с самых что ни на есть системных позиций и более подробно и детально, чем Ратцель.

Модель ресурсов трех уровней

Модель ресурсов, которыми может располагать геополитик, может быть построена по простому основанию. Изобразим ее на схеме:

Рис. 2. Три вида ресурсов.

Такая модель, идущая еще от Ф. Ратцеля, получила в истории геополитики очень подробное развитие: каждый из выделенных здесь видов был детализирован на множество уровней и подуровней. Например, Николас Спикмен выдвинул десять критериев геополитического веса:

Рис. 3. Критерии Н. Спикмена по отношению к тройке ресурсов.

Четверка типов ресурсов

Если посмотреть на проблему ресурсов политики и власти наиболее абстрактно, то их четыре типа. Это **земля, вода, воздух и огонь** – такова древнейшая типология стихий, греческих «первозлементов» и т.п. В реальности первые три стихии – земля, вода, воздух – реально существуют, а вот «огонь» можно трактовать для геополитики как поток солнечной энергии, создающий тот или иной климат на территории. Это очень существенно для начальных этапов развития цивилизаций и культур, а потому все они поклонялись Солнцу.

Эти же четыре компонента – ресурсоспектр политика и властителя – можно трактовать и в военном аспекте: сухопутные войска, военно-морские силы, авиация и ракетно-ядерное оружие («укрошение огня»). Здесь просматривает самый ранний вариант столкновения *СУХОПУТНЫХ И ВОДНЫХ* военных сил, что доводится в теориях геополитики до глобального дуализма «Суша – Море», который приписывается всем цивилизациям. Это так называемый «первый закон геополитики» – идея о вечной борьбе между континентальной и морской цивилизациями (теллуократии и талассократии). Многие геополитические теоретики навсегда застряли на этом противостоянии, хотя уже в XX веке – веке авиации и ракет – оно потеряло первоначальный военный смысл. Другое дело – наличие этих черт в менталитете больших общностей, и мы будем об этом говорить ниже, – оно весьма устойчиво, но не настолько детерминистично, как кажется некоторым. По крайней мере, сегодня говорить об этом всерьез вряд ли стоит – мы уже больше летаем, чем плаваем и проблема роста мобильности по нашей бескрайней сухопутности тоже успешно решается массовым автотранспортом. Доминанты поменялись.

Обратим внимание, что данная четверка, рассмотренная в генетическом ракурсе, показывает *рост подвижности энергии в средствах вооружения*: водные более подвижны, чем сухопутные, а воздушные, чем водные, и, наконец, «всега быстрее огонь». Все эти разновидности сохраняются, но изменились пропорции родов войск в современных армиях.

Но мы настаиваем на том, что нельзя сводить геополитику в целом ни к одному этому ракурсу. Холодная война шла и идет совсем на других фронтах, и мы еще поговорим об этом. Кстати, вдруг возродившееся преподавание геополитики в наших вузах и есть элемент этой самой войны: ничто так не консервирует менталитет, как образование. А преподается под видом «геополитики» у нас как раз все то старье, которое не позволяет увидеть *ментальную сущность* идущей холодной войны.

Отсюда второй запрет: геополитика не сводится к дуализму «суша – море», в ней следует учитывать все четыре «стихии» (спектр ресурсов,

спектр энергии). И если посмотреть на это исторически, возникают две пары: дуализм «суши – моря» был присущ только начальному этапу геополитики до XX века, а вот пара «воздух – огонь» в XX веке видимо только обозначилась: во времена Хрущева реактивная авиация впервые застонала от засилия ракетчиков. Реальных «звездных войн» мир пока не видел, и слава Богу! Но война-то в космосе давно идет.

Характерно, что до середины XX-го века речь шла о *горизонтальном пространстве* Земли, ее суши и морей, но с появлением авиации и космонавтики в дело ввели также и *вертикальное измерение пространства* (правда, геополитики рассматривают его пока как еще один «океан»). Для нас это разделение очень важно: это две смысловые оси, причем вертикальная пара более подвижных стихий «воздух – огонь» связана с *ускорением* не только в технике, но и в общественных процессах в целом.

Хронотоп вместо топоса

Наконец, топос – это всего лишь одна из составляющих хронотопа. Все в этом мире, в том числе общества и государства, имеют не только топическое измерение, но хроно – временную характеристику. Ввиду невероятного роста скорости в технике и скачкообразного ускорения процессов в обществе (А. Тоффлер, «Футурошоки»), топическая сторона политики в значительной мере потеряла свою значимость, а приобрела первенство хроно-сторона. А именно: в политике сегодня побеждает тот, кто быстрее меняется, развивается в сторону усложнения структуры общества и увеличения скорости процессов деятельности. Поэтому кроме геополитики, которая главенствовала в прошлом, существует *хронополитика* и она главенствует сегодня. *Хронотоп* неразрывен и это понятие нужно поставить в качестве главного на место топоса (гео), иначе геополитику можно отнести к разряду исторически существовавших, но более не актуальных знаний.

Кстати, по этому поводу. Ускорение общественных процессов как особый фактор мировой политики – с этого, собственно, начинается Новая исто-

рия. Рывок европейских стран в техническом и социальном отношении позволил им превратить весь прочий мир в свои колонии. Недаром, Х. Макиндер начинает свою историю геополитики именно с этого – Колумб и Эпоха великих географических открытий привели к геополитической дележке территории Земли, что и стало потом причиной двух мировых войн.

Этот фактор ускорения (рывка) использовали и Гитлер, и Сталин, и японцы перед и во время Второй мировой войны. За десять лет власти нацистов, как и за период правления Сталина было сделано невероятно много – об этом с некоторым удивлением пишут в мемуарах сами участники событий с обеих сторон. Нацисты к концу войны возможно даже стояли на пороге невиданного технического рывка (как и японцы в определенных отраслях техники), но не успели реализовать это техническое преимущество. А вот Сталин успел – «... получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставил её оснащённой ядерными реакторами» (Encyclopaedia Britannica. Vol.21. London, 1964. P.303). Того технологического и организационного рывка нам хватило на 33 года – как раз одному поколению. Это поколение потеряло набранный темп – и не в техническом отношении, если верить Максиму Калашникову, а из-за застывшей идеологии и социальной структуры. И нас примитивным маневром обошли на историческом повороте недавние идеологические враги.

Из всего сказанного следует третий запрет: нельзя рассматривать «геополитику» в отрыве от «хронополитики». Это единый ментальный хронотоп, и его генезис мы рассмотрели в монографии «Формула истории» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011).

Основной закон развертывания ментального хронотопа в истории мы рассмотрели в другой монографии – «Экзистенциальная системогенетика» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011).

На языке системогенетики этот закон можно выразить графически, если вспомнить, что история имеет вид конической спирали, а противоречие под ней – это единый хронотоп с двумя сторонами (пространство – время):

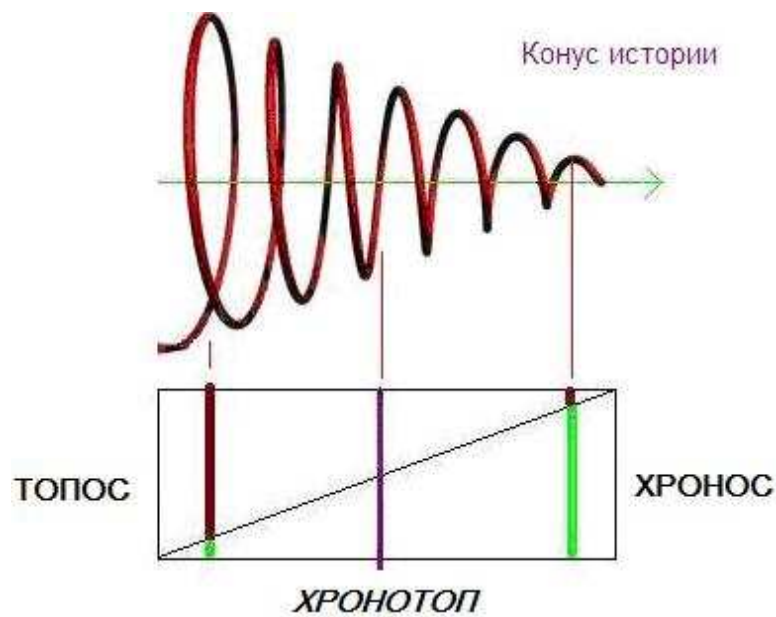

Рис. 4. Соотношение хроноса и топоса в истории.

Итого

Что мы имеем в рассматриваемом предмете в итоге?

Три оси: ось управления в обществе, ось хронотопа, ось ресурсов.

Соединить их можно как вместе в объемной модели, так и попарно.

Рис. 5. Объемная модель геополитики в нашем понимании.

Вот парное соединение осей «хронотоп и управление в обществе» в полном виде. Геополитика, тем более чисто государственная, – только небольшая часть этой полноты.

Табл. 1. Состав предмета геополитики.

		ХРОНОТОП	
		Топос	Хронос
УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ	Машинное	1	2
	Культурное	3	4

Полнота предмета, как явствует из приведенной таблицы, это:

1. Геополитика машинного типа. Геополитика государств, конфессий и ТНК.
2. Хронополитика машинного типа. Хронополитика государств, конфессий и ТНК.
3. Культурная геополитика. Геополитика немашинного типа.
4. Культурная хронополитика. Хронополитика немашинного типа.

И тогда часть определения «геополитики в нашем понимании» звучит так: это взаимоотношения устойчивых групп людей (машинного и культурного типа) по поводу хронотопа.

Соответственно можно построить вторую и третью матрицы: «управление в обществе – ресурсы» и «хронотоп – ресурсы». Тем самым наш предмет будет представлен в достаточной полноте.

Полное определение «геополитики в нашем понимании» звучит так: это взаимоотношения устойчивых групп людей (машинного и культурного типа) по поводу хронотопа и с использованием всего возможного спектра ресурсов (абиотического, биотического и социального типов).

Геополитика – проектная деятельность. Поэтому геополитические модели и образы, живущие в сознании масс всегда проектируются. Можно рассмотреть этот ракурс как вполне самостоятельный и более того – рассмотреть геополитические концепты в истории как связанные одним сценарием. Что характерно, это все тот же сценарий ментальных формаций. Да и само геополитика, осмысленная как обособленное, появляется в нужное время и в нужном месте. Как и все прочее в культуре.

Комплекс идей геополитики «как он есть»

Когда удастся получить "сухой осадок" из многообразия геополитических теорий, поражает их самоочевидность и простота, граничащая иногда с примитивностью и обычным житейским здравым смыслом. Ядро геополитических теорий сводится к нескольким идеям.

Несомненным постулатом всех теорий является "**государство – организм**" (общество, государство, цивилизация здесь часто выступают как синонимы), которому приписываются многие свойства животного. Органическое представление активно живет в менталитете Нового времени.

Геополитиков особенно волнует **экспансия** как атрибут этого огромного организма. Геополитические схемы обслуживают лишь эту экспансию, а достижение стабильности общества рассматривается как необходимое условие для его экспансии.

Место расположения государства (общества, цивилизации) в первую очередь определяет его специфику и поведение – с этой идеи начинается геополитика (государство как «пространственный организм»). Далее это месторасположение обрастает массой дополнений (рельеф, почва и т.д.) и мифологизируется до размеров "причины культуры" данного государства. Следовательно, исходной для геополитики является **концепция геодетерминизма**. Хотя постепенно она видоизменилась – и довольно сильно.

Во всех случаях геополитика (по определению) имеет в виду *топическую доминанту*, а к числу ее основных понятий относятся место и пространство. Остается открытым вопрос: как работает механизм – как отпечатывается пространство на устройстве и жизни социума? **Посредником выступает** некое смысловое «метаобразование», под которым мы имеем в виду **менталитет**. Начала этого есть, например, у Шмитта, политология которого базируется на мифологии, а единство государства, по его мнению, обеспечивается прежде всего в сакральном мире «стихий и духов».

Второй вопрос: только ли топика детерминирует общество, его культуру и поведение? Ясно, что нет. Тогда в какой степени топика, и что, кроме

нее? Геополитика быстро дифференцируется и дополняется перечнем факторов, из которых сегодня легко выстроить более-менее завершенную иерархию – мы привели пример выше.

Исходная пара противоположностей

В подавляющей массе геополитических взглядов двигателем исторического цивилизационного развития выступает дополнительность «земля – вода» плюс два топически привязанных к ним цивилизационных типа: есть цивилизации континентальные и есть цивилизации морские. Такая парность подразумевает доминанту освоенного пространства. Хотя во взглядах Л.И. Мечникова был намечен совершенно иной, синтетический, подход (получивший развитие только в евразийстве), в классической евроамериканской геополитике эти два типа «непримиримы», что выливается либо в парность, либо, в лучшем случае, в троичность (где эта пара порождает третье).

Дуальная основа лежит в базисе теорий непримиримого противостояния суши и моря. Контрастная специфика цивилизаций суши и моря якобы накладывает отпечаток на их ментальность, этику, все производные государственного устройства: политику, право и т.д. История предстает как арена их борьбы. Абсолютизируется и доводится до взаимоисключения парность в теории номосов Шмитта. «Номос» есть форма организации бытия, посредством которой специфика качеств организации пространства отпечатывается в формах организации социума. Этот средовой фактор извне переходит на отношения внутри социума и между социальными ансамблями и проявляется в политике и праве.

В пределах парности возможны сколь угодно тонкие дифференциации.

Вся суша (особенно с Нового времени, когда возникает планетарное сознание) получает разный геополитический вес. Тем, кто волею судеб забрался в середину континента, "теплее спать, чем на краю». Но внутриконтинентальное расположение имеет и свои недостатки: оно консервирует менталитет и государственное устройство, отчего такие цивилизации, как правило,

тяготеют к тираническим империям и исторической неподвижности. Если они к тому же сдавлены соседями, то якобы вынуждены осуществлять на них свою естественную экспансию (оправдание Германии).

Контрастом неподвижному континентальному ядру исторически выступали все те же морские цивилизации, где мы наблюдаем противоположное явление – хаотичность и плохую связанность их государственного устройства как следствие их избыточной подвижности.

Попеременное доминирование суши и моря (если следовать каноническим текстам английской геополитики) продолжалось лишь до момента становления Великобритании как великой морской державы. На самом деле речь здесь должна идти о принципиальной смене ментальной парадигмы, о парадигме Нового времени, проявившейся впервые именно в менталитете Великобритании (но геополитически осмысленной скорее в Германии). Далее начинается переход геополитического доминирования в истории от держав континентальных к державам морским. Он завершился безусловной гегемонией морской сверхдержавы США, которая отныне рассматривает весь мир как свой придаток.

Дуально обозначенная линейность истории (от стабильной сухопутности к морской динамичности) является всего лишь аспектной калькой более сложного процесса – *увеличения степени динамичности процессов цивилизационного развития в целом*, роста ускорения, темпа жизни человечества, о чем мы говорили выше. Для закрепления дуальности в этой теории принимается, что на менталитете фатально отпечатывается или малоподвижная сухопутность, или динамическое море, грубо говоря, **«пространство»** или **«время»**. Центральной категорией, которая не фигурирует, здесь является «перемещение» относительно поверхности Земли. Но именно она легко выводит нас за пределы дуальности, ведь и на суше существовала большая разница между отношением к пространству кочевников и оседлых народов, и на море – между цивилизациями внутренних и внешних морей. Это, кстати, дает нам

четверку типов, которую геополитика активно пока не рассмотрела. Она прекрасно работает в истории.

На самом же деле, особенно сегодня, речь идет скорее о показателе темпа развития цивилизации, а средства перемещения, коммуникации и особенно средства экспансии, имевшие еще недавно огромное влияние на менталитет, постепенно насыщают все государства мира. Настоящая война идет уже совсем на других площадках.

Порожденная парой троичность и четверичность

Значительно мягче методологическая основа, где эта пара все-таки способна породить третье. Между "молотом и наковальней" цивилизаций суши и моря в зазорах исторического времени возникали и гибли "срединные" цивилизации, впитывавшие опыт и первых, и вторых, а потому гораздо более богатые структурно и культурно. Они и составили пунктир известной нам классической политической истории и истории культуры. Конечно, эти «срединные» цивилизации испытывали не только прелести синтеза противоположностей, но и военно-политическое давление с двух сторон, отчего, как правило, и гибли. Такова, с позиций этой ветви геополитики, история всех самых известных (в смысле культурных достижений) цивилизаций до Нового времени.

Описанное укладывается в схему хорошо известных нам трех типов поведения систем: свехустойчивые (инертные, связанные с устойчивостью условий и детерминизмом, что естественно для континентальной суши), системно неустойчивые (где подвижность частей велика, а выживать приходится в опасных условиях неопределенности, что естественно для жизни на море), нормально устойчивые (которым в данном случае совокупность противоположностей детерминизма и стохастики дает свободу). Данные три типа и их свойства хорошо описываются законом нормального распределения, а он отображает не только поведенческие и прочие свойства систем, но и постфутуристический диморфизм самого ее устройства. Мы уже обращались к этой

теме при анализе проблемы трех модусов времени и трех фаз цикла – здесь она получает весьма конкретное теоретическое воплощение.

Когда пара порождает третье, в этом третьем тоже можно выстроить спектр, градации. Так появляются оценочные ступени между крайностями: греки, с их освоенным внутренним морем, – это не морские бандиты, а вот карфагеняне – явные агрессоры и т.п.

На подобной основе построены и топические круговые схемы, содержащие вложенные круги: они имеют ту же растяжку свойств – от неподвижного континентального (центр) к сверхподвижному (периферия) морю, но это – градации именно в самом третьем. Так появляются «полумесяц» и прочие известные геополитические градации.

* * *

Подведем некоторые итоги методологического плана.

Во-первых, теория геополитики использует либо пару, либо пару и тройку. Это – числовые ключи, имеющие прямое отношение к менталитету. За парой скрывается ментальный хронотоп (пространственная или временная доминанта цивилизации), за третьим – все фазовые переходы между крайними доминантами.

В вековом цикле геополитических взглядов XIX-го века произошел переход от объективизма (доминанта среды, топики, субстанции) к субъективизму (время, человек, релятивизм, POSSIBILITY). «Поссибилизм» Видаля рассматривал историю хронотопически: в пространстве (гео) и времени (истории), через среду и человека. Геополитика только начинает с идеи топического детерминизма, но постепенно насыщается пакетом факторов, который уже сам по себе значительно шире геополитики и вполне пригоден сегодня для аппарата социальной философии. Такой пакет факторов, влияющих на поведение общественного организма, являет иерархию, организованную на нескольких уровнях.

Во-вторых, оба ключа, поначалу простые, со временем естественно дифференцируются. Появляется как дуальный спектр, так и спектр порожденного ими третьего.

В третьих, данные ключи порождают свои картины исторической динамики. Например, дуальная основа истории предстает и у О. Шпенглера, и у А. Тойнби, а также в британской теории перехода от сухопутного доминирования к морскому и т.д. Троичность как основа хорошо раскрывает фазовость внутри формационных циклов. Переход от трехфазовости к любым нечетным фазам тоже принципиально возможен. Вполне определенной выступала возможность развить парность до четверки – и далее это произошло в истории геополитики.

Здесь есть две линии: германская и англо-саксонская, они-то и абсолютизируют свои «номосы». Интегративный потенциал геополитики был продемонстрирован в русском евразийстве: Лев Гумилев первым сумел перейти от моно- к полифокусности. После него во второй половине XX-го столетия в мире происходил постепенный переход к полицентризму, он был связан и с общесистемной логикой (от моно- к поли-). Причем в числовых ключах мы встречаем последовательность 2 – 3 – 4 (например, во взглядах С.Б. Козна). Приход геополитических теорий к четверке достаточно знаменателен, потому что методологически «полифокусность», или «полицентризм», означает, что это уже зрелая количественно-качественная теория. А раз так, то ей самое время уйти с арены и занять подобающее ей довольно скромное место.